

Насс, Л. Революционный невроз [Текст] / [О.] Кабанес и Л. Насс ; [пер. с фр. Е. Владимировича]. – СПб. : С. М. Проппер, 1907. – С. 547–744. **17. Кузмин, М.** Избранные произведения [Текст] / М. Кузмин. – Л. : Худ. литература, 1990. – 576 с. **18. Купченко, В. М.** Волошин о Великой Французской революции [Текст] / В. Купченко // Русская литература. – 1989. – № 3. – С. 57–67. **19. Купченко, В.** Странствие М. Волошина [Текст] / В. Купченко. – СПб. : Логос, 1997. – 544 с. **20. Купченко, В.** Труды и дни М. Волошина [Текст] / В. Купченко. – СПб. : Алетейя, 2002 – 2007. Кн. 1, 2. **21. Леви, Э.** Учение и ритуал [Текст] / Э. Леви ; [пер. с фр.]. – М. : Эксмо, 2004. – 704 с. **22. Левичев, И.** К истории создания цикла «Руанский Собор» [Текст] / И. Левичев // XIV Волошинские чтения. – Симферополь : Антикава, 2007. – С. 99–111. **23. Литературное Наследство.** Том 92. А. Блок. Новые материалы и исследования [Текст] / М. : Наука, 1980-1993. – Кн. 1-5. **24. Литературное Наследство.** Том 98. – В. Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2 [Текст] / М. : Наука, 1994. – 640 с. **25. Маковский, С.** Портреты современников [Текст] / С. Маковский. // Серебряный век. Мемуары. – М. : Известия, 1990. – С. 111-176. **26. Матъез, А.** Французская революция [Текст] / А. Матъез ; [пер. с фр.]. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. – 576 с. **27. Менделевич, Э. М.** Волошин и Великая Французская революция [Текст] / Э. Менделевич // «Пойми простой урок моей земли». – Орел : Труд, 2001. – С. 117–124. **28. Пиобб, П.** Древняя высшая магия [Текст] / П. Пиобб ; [пер. с фр.]. – СПб. : В. Я. Мильштейн, 1910. – 112 с. (репринт). **29. Плутарх.** Исида и Осирис [Текст] / Плутарх ; [пер. с греч.]. – К. : Учим, 1996. – 252 с. **30. Раневская, Ф.** «Судьба-шлюха» [Текст] / Ф. Раневская. – М. : Аст, 2008. – 224 с. **31. Томберг, В.** Медитации на Таро [Текст] / В. Томберг ; [пер. с англ.]. – М. : София, 2008. – 608 с. **32. Фейерабенд, П.** Избранные труды по методологии науки [Текст] / П. Фейерабенд ; [пер. с англ. и нем.]. – М. : Прогресс, 1986. – 542 с. **33. Фридрих Ницше и русская религиозная философия** [Текст] / В 2 т. – Минск : Алкиона, 1996. **34. Ходасевич, В.** Из еврейских поэтов [Текст] / В. Ходасевич. – М. : Гешарим, 1998. – 416 с. **35. Честертон, Г. К.** Избранные произведения. В 3 т. [Текст] / Г. К. Честертон ; [пер. с англ.]. – М. : Худож. Лит., 1990. **36. Шкловский, В.** Сентиментальное путешествие [Текст] / В. Шкловский. – М. : Новости, 1990. – 368 с. **37. Шюре, Э.** Пророки Возрождения [Текст] / Э. Шюре ; [пер. с фр.]. – М. : Алетейя, 2001. – 344 с. **38. Энциклопедия оккультизма** [Текст] / Г. О. М [ебес]. – М. : Аверс, 1992. – Кн. 1, 2. **39. Юнг, К.Г.** Ответ Иову [Текст] / К. Г. Юнг ; [пер. с нем.]. – М. : Аст, 2001. – 384 с. **40. Berry, George Ricker.** Interlinear Greek-English New Testament. – Grand Rapids, MI: Baker Books, 2005. – 670 p. **41. Klaus, Georg und Buhr, Manfred.** Philosophisches Wörterbuch. – Leipzig: Veb Bibliographisches Institut, 1966. – 634 s.

Поступила в редколлегию 04.08.2009.

Рецензент: канд. филос. наук, доцент, А. С. Филоненко

УДК 111.6

В.В. АГЕЕВ, соискатель, Украинская инженерно-педагогическая академия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. РАЦИОНАЛЬНОСТЬ. СВОБОДА

Розглядаються деякі аспекти співвідношення понять діяльності, раціональності, свободи. Зокрема співвідношення раціональності діяльності і свободи діяльності, свободи і несвободи діяльності. Зроблено спробу уточнення істотних визначень названих понять з метою подолання їх невинного використання у філософському побуті, багатозначності та розмитості. Аналізуються окремі суперечні моменти усередині даного предметного поля.

Ключові слова: діяльність, раціональність, свобода, несвобода, розум.

Рассматриваются некоторые аспекты соотношения понятий деятельности, рациональности, свободы. В частности соотношение рациональности деятельности и свободы деятельности, свободы и несвободы деятельности. Сделана попытка уточнения существенных определений названных понятий с целью преодоления их неоправданной в философском обиходе многозначности и размытости. Анализируются отдельные спорные моменты внутри данного предметного поля.

Ключевые слова: деятельность, рациональность, свобода, несвобода, разум.

It is discussed some aspects of correlations between notions of activity, rationality and freedom. In particular it's concerned about rational and free, unforced and forced activities. It is given more precise definitions of these notions to overcome unjustified polysemantic and uncertain philosophical interpretations. It is analysed some difficult moments in this subject situation.

Keywords: activity, rationality, freedom, unfreedom, mind.

Отношение содержания этих понятий: деятельность, рациональность, свобода является предметом устойчивого внимания исследователей (и предметом данной статьи), поскольку человеческая деятельность необходимо предполагает свободу деятеля, а человеческая свобода – важнейшее условие прежде всего творческой деятельности. Последняя необходимо базируется на разуме, рациональности в предельно широком их понимании. Рациональность в ее связи с человеческой свободой всегда была важным объектом исследования. Однако некоторые исследователи рациональности не всегда положительно коррелируют ее со свободой, выдвигая на первый план в связи с рациональностью человеческой деятельности ее неизбежную несвободу (А.Л. Никифоров, В.К. Иошкин). Эта весьма спорная мысль, высказанная А.Л. Никифоровым в статье «Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности» [4] и вызвавшая довольно-таки бурную дискуссию, продолжает привлекать к себе внимание исследователей. Последнее обращение к этой теме в статье В.К. Иошкина «Несвобода и свобода в рациональном осмыслении мира» [1] и в изданной им в 2007 году монографии «Свобода и несвобода бытия» [2] побудило нас высказать некоторые соображения по этому поводу. Спорные суждения внутри тех или иных философских построений возникают порой из-за неудовлетворительных определений составляющих эти суждения понятий – определений, переставших удовлетворять все более развивающейся и усложняющейся системе знаний. Поэтому время от времени содержание некоторых понятий, в особенности их контекстуальных вариаций, уточняется. Такая задача актуальна и сегодня.

Научную новизну данной статьи составляет попытка пересмотра содержания понятия «деятельность» в плане отрицания неоправданного его расширения, в формулировке более общего определения понятия

«рациональность», в более детальном, чем существующие, рассмотрении соотношения рациональной и свободной деятельности, в оценке последних исследований о свободе и несвободе бытия.

Понятие «деятельность» относят исключительно к человеку, поэтому в дальнейшем не стоит оговариваться именно о человеческой деятельности. Кроме того, правильно, на наш взгляд, принять по определению, что *деятельность* (определение, часто фигурирующее в философских словарях) – это специфически человеческая форма активного отношения к миру, содержание которой составляют *делание* чего-либо *по собственной инициативе*, работа с каким-то предметом. Причем здесь необходимо иметь в виду, что объектом деятельности субъекта часто бывает и он сам.

Существующие определения деятельности неудачны, на наш взгляд, в том плане, что они императивно содержат 1) обязательную постановку цели деятельности, 2) требование изменения и преобразования мира, 3) включение средств и даже результата деятельности. Такая деформация содержания понятия может привести к трудностям и в оценке рациональности деятельности, и в определении ее свободы. Деятельность – это не результат, это не цель и даже не средства осуществления деятельности. Это всего лишь односторонний субъект-объектный процесс. Условия деятельности должны пониматься отдельно от нее самой. Логика требует содержательного разделения понятий.

Деятельность всегда сознательна и предметна, однако она может быть целесообразной или бесцельной, продуманной или спонтанной, творческой или репродуктивной, результативной или безрезультатной, рациональной или иррациональной, но она **не может быть свободной или несвободной, а только свободной**, поскольку идет исключительно от субъекта, определяется им во всех компонентах, с учетом, разумеется, привходящих объективно ограничивающих условий. Почти общепризнано, что человек в экзистенциальном смысле «обречен на свободу».

В таком случае трудно согласиться со всякими рассуждениями о якобы могущей иметь место несвободной деятельности, и уж тем более о несвободе рациональной деятельности. Деятельность всегда внутренне свободна, хотя и ограничена внешним образом, со стороны ее условий. Ясно, что, говоря о свободе деятельности, мы имеем в виду: а) свободу в отношении одной из интенций субъекта – стремления к деятельности, а также его волевого решения действовать. После решения действовать человека можно остановить, только если изменить его или лишить разума и воли. Это абсолютная, экзистенциальная свобода; б) свобода субъекта в отношении к деятельности как процесса реализации его стремления к деятельности в определенных условиях уже, очевидно, не абсолютна, а характеризуется

определенной мерой, связанной со свойствами субъекта деятельности и внешними объективными условиями деятельности. Эту меру свободы субъекта в отношении реализации его деятельности чаще всего и называют свободой или несвободой деятельности, что практически оправдано, когда говорят о возможностях реализации деятельности. Названная свобода сугубо конкретна и относительна, поэтому нельзя, на наш взгляд, однозначно квалифицировать деятельность в любом ее аспекте как свободную или несвободную. Она мерой свободна и мерой несвободна. Еще раз подчеркнем, что, когда мы говорим о свободной или несвободной деятельности, мыслим мы о свободе или несвободе субъекта в отношении реализации его деятельности. Словоупотребление «свободная и несвободная деятельность» допускает деятельность в качестве субъекта свободы, вынося субъекта деятельности – человека – за скобки, устраняя его из размышления. Терминологическая «неряшливость» вообще является одной из причин недостаточного взаимопонимания излагающих свои мысли. Слово должно точно следовать фарватеру мысли, неудачное выражение тянет за собой иногда длинный хвост неверного рассуждения и выводов. Поэтому работа над уточнением понятий и их соотношения внутри любой теоретической системы всегда, на наш взгляд, актуальна и важна.

Рациональность в связи с деятельностью заслуживает особого внимания, поскольку именно рациональная деятельность позволяет человеку достигать заданного результата оптимальным образом, опираясь на разум, на разумное целеполагание, на разумную методологию. А.Л. Никифоров по сути так и определяет рациональность деятельности – как меру совпадения ее результата с поставленной целью [4, с.284] («целерациональность», по М. Веберу), а также «как соответствие неким правилам поведения, ... нормам» [4, с.285] – «логико-методологическая рациональность». Такое разделение на две или более «рациональностей» не выглядит удачным. Ведь просто совпадение цели деятельности и ее результата еще не свидетельствует о рациональности деятельности, поскольку цели можно достичь и на основе каких-либо нерациональных моментов: чувств, предчувствий, интуиции, просто случайным образом. И само по себе соответствие деятельности какой-либо методологии еще не позволяет говорить о ней как о рациональной. Здесь необходимо логическое единство.

Предложение подобного единства мы находим в статье Е.Л. Чертовой «Рациональность и свобода» [5]. Она выделяет два основных вида рациональности: инструментальную (технологическую), определяемую как логичность в сфере мышления и эффективность в сфере практической деятельности, и критико-рефлексивную – осмысление наличной деятельности и ее результатов, целей и возможностей будущей деятельности

с учетом их ценности для человека, обеспечения его свободы. Е.Л.Черткова вполне справедливо полагает если не логическое, то диалектическое единство этих двух сторон медали [5, с.321]. Она пишет: «Если воспользоваться предложенным Ю. Хабермасом разграничением интересов на технический, практический и эмансипаторский и выделением соответствующих им трех видов знания: информации, интерпретации и анализа, – то с инструментальным разумом соотносится полюс технического интереса и знание в виде информации. Тогда как критической рациональности, составляющей ядро классического понятийного разума, более всего соответствует другой полюс – эмансипаторский и отвечающий ему тип знания – критический анализ. Очевидно, что в реальной жизни сосуществуют все названные интересы и необходимы все типы знания [там же].»

Можно определить **рациональное (рациональность)** как свойство человеческой деятельности, духовной или практической, а также ее результатов, которым принадлежат характеристики: **разумная**, то есть с применением ума и истинного знания; **целесообразная; целодостигающая** на основе разумной методологии. Это вполне логично и не должно вызывать возражений. Однако с понятием рациональности и с отношением к рациональности не все так просто. Но об этом чуть ниже.

Далее А.Л. Никифоров обнаруживает любопытную особенность рациональной деятельности: «она не зависит от субъекта», то есть «никакие его индивидуальные особенности не важны для деятельности и не входят в нее. Если деятельность рациональна, то она похожа на естественный процесс, который лишь запускается субъектом, и не важно, кто это делает – человек умный или глупый, отец семейства или безбородый юноша, нравственный или безнравственный – и какими мотивами при этом руководствуется – корыстными или бескорыстными, любовью или ненавистью; все они будут действовать одинаково... но как только они начинают отходить от рациональности, между ними появляются различия» [4, с.286-287]. Конечно, рациональную деятельность может осуществлять и глупый под присмотром умного. Но *рациональность* деятельности человека определяется *его* умом, разумностью, мудростью, то есть сильнейшим образом зависит от субъекта. Глупый может быть лишь *средством* осуществления рациональной деятельности. И мы можем говорить о субъектах двух случаев: 1) о субъекте *рациональности* своей деятельности и 2) о субъекте *рациональной деятельности* (исполнителе воли разумного руководителя или осуществившего свою деятельность рационально случайным образом). Никифоров затем проводит аналогию истины как истинного знания, объявленной объективной, с рациональностью деятельности, также

объявляемой объективной. «Истина объективна, то есть не зависит от субъекта познания. И рациональность в этом смысле объективна, ибо ситуация и цель детерминируют рациональный способ действий, от субъекта здесь ничего не зависит. В основе этой аналогии лежит глубинная связь истины с рациональностью. Рациональность деятельности свидетельствует о том, что наша идеальная схема и принципы, на которые она опирается, истинны. Если же деятельность оказалась нерациональной, значит, в нашей схеме было нечто ложное» [4, с.287]. Дескать, цель и наличные объективные условия деятельности детерминируют последнюю и делают так, что от субъекта ничего не зависит. Отсюда появляется главный тезис А.Л. Никифорова о том, что рациональная деятельность несвободна. Это нездоровое устранение субъекта из процесса практической деятельности опасно для понимания его свободы. Субъект действует рационально – значит он раб истины. Она его порабощает. «Бедный Йорик!»

Рассуждение на первый взгляд сильное. Действительно, рациональность деятельности имеет глубинную связь с истиной, так как она основана на применении истинного знания. Это один из китов, на которых зиждется рациональность как свойство деятельности. Однако выводить указанную аналогию из этой глубинной связи логически неправильно. Объективная истина – это *результат* доброкачественного познания. Рациональная деятельность или «рациональный способ действий» – это *процесс*. Познание – это тоже вид деятельности. Значит, если мы желаем проводить параллели, мы можем правомерно соотносить познавательную и практическую деятельность как процессы, оценивать их рациональность: рациональность познания и рациональность практической деятельности, делать выводы о том, зависят эти два процесса от субъекта или нет. Мы можем правомерно сопоставлять результаты этих основных видов деятельности: истинность знания и соответствие *цели* полученных результатов практической деятельности, рациональность знания и рациональность результатов практической деятельности. Да, рациональность деятельности и ее результатов основана на объективной истине, но не может, к счастью, быть поэтому объективной, потому что тогда это была бы машинная рациональность.

Можно, конечно, вложить в понятие рациональной деятельности и тот смысл, как достижение результата оптимальным образом, «со знанием дела», но объявлять рациональную деятельность в таком понимании несвободной не вполне корректно. В самом деле, если субъект ограничил (*сознательно*) свою деятельность целью достижения определенного результата при заданных, выбранных им тех или иных входящих условиях, то единственным ограничителем своей свободы является только он сам, просто потому, что он

сделал выбор. Поэтому говорить о его несвободе, несвободе его деятельности только потому, что при этих условиях существует только один, оптимальный, путь решения задачи, неправильно, ибо этот путь – результат свободного выбора.

Объективно существует наилучший, наиболее рациональный, оптимальный метод деятельности по достижению определенной цели, кратчайший, наиболее дешевый, наиболее благоприятный психологически, с минимальными потерями в живой силе и технике. Если *субъект задает параметры этой оптимальности*. То есть выходит, что А.Л. Никифоров здесь не совсем прав, когда говорит, что рациональная деятельность (читай «рациональность деятельности») не зависит от субъекта [4, с.286]. Может не зависеть, когда определены все параметры выбора субъектом приоритетов в спектре установок на способ и условия достижения цели. Эти установки сугубо субъективны, поскольку отвечают предпочтениям и пристрастиям, мировоззрению вообще субъекта. Они могут касаться чего угодно, любого аспекта жизни человека, начиная от его самооценки и кончая оценкой содержимого кошелька. А Никифоров оперативным путем отсекает всего субъекта, поскольку исключает его субъективные характеристики, превращая его в некоего робота, действующего по заданной программе, без каких-либо предпочтительных моментов.

В познавательной деятельности, в научном познании, где субъект нацелен на поиск объективной истины, влияние личности субъекта познания стремятся минимизировать, чтобы не внести искажения в получаемое знание, в распределение объекта познания. Можно представить себе тупого лаборанта, которого посадили проделать ряд научных экспериментов, вручив ему оптимальный, «рациональный» алгоритм исследования, четкие инструкции по методике работы. Он получит однозначный, верный результат. Ну и что? Можно, конечно, сказать, что этот «исследователь», осуществляя свою «рациональную» деятельность, был связан жесткой процедурой, был несвободен. Но был ли он подлинным субъектом *деятельности* в данном случае? Скорее исполнителем, роботом, не внесшим в «рациональность» своей работы того, что дало бы нам право назвать это действие деятельностью – собственного выбора, алгоритма, методики исследования. Да, специфика познания как деятельности – в поиске объективной истины, но освободить сам процесс познания от субъекта – значит умертвить его, этот процесс. Тем более важна роль субъекта в рациональной практической деятельности.

Таким образом, неправилен вывод о том, что рациональная деятельность несвободна, о том, что субъект теряет свою свободу, если он выбрал рациональный путь достижения цели. (Ведь если он – человек разумный,

осознающий – он свободно изъясляет свою волю). Субъект действительно детерминирован, но он детерминирован не какими-то внешними, объективными обстоятельствами, а собственным разумом, собственным «знанием дела», и *он волен*, по каким-то соображениям или без каких-либо соображений, отказаться от решения по разуму, по оптимуму, и эта потенциальная возможность никак не может (даже если она никогда не будет реализована), запрещает квалифицировать рациональную деятельность *человека*, а не робота, как несвободную. Не следует, на наш взгляд, расширять понятие «субъект человеческой деятельности» до просто «субъект действия», с абстрагированием прежде всего от свободы человеческой воли. Очевидно, что, выбирая из многих путей один, мы реализуем свою свободу, попадая при этом в новую, другую ситуацию свободы как поля возможностей, где эта свобода может быть большей или меньшей в том или ином отношении. Реализация свободы всегда связана с утерей старого статуса свободы и перехода к новому статусу. И нельзя, на наш взгляд, оценивать отсечение невыбранных возможностей и вариантов как деградацию к несвободе. Разве разумное самоограничение – это несвобода?

Е.Л. Черткова, говоря о соотношении основных видов рациональности и свободы, отмечает: «инструментальный разум, если ему не придается тотального значения, сам по себе не враждебен человеческой свободе и не препятствует ей. Напротив, при определенных условиях он способствует расширению сферы независимости от внешнего мира и благодаря этому выполняет эмансипаторские функции. Критическая рациональность обеспечивает дальнейшее движение по этому пути, ибо она включает размышления о том, что мы делаем, что мы хотим делать и что мы можем делать... Лишь в своем единстве обе формы рациональности содействуют человеческой свободе» [5, с.322]. В связи с этим, критикуя позицию А.Л. Никифорова, Черткова добавляет соображение о важности связи свободы и ответственности: «одним из аргументов в противостоянии рациональности и свободы является утверждение о связи рациональности с целесообразностью и закономерностью, не оставляющих якобы места свободному выбору. Этот аргумент основан на той деформации понятий свободы и рациональности, о которых говорилось выше. Если отказаться от узкоинструментального и формального понимания рациональности, а свободу не сводить к бессознательному импульсивному действию, то их союз не покажется столь невозможным. В частности, их единство становится очевидным, если обратить внимание на столь важную характеристику свободы, как ответственность... Ответственность – это цена, которую мы платим за свободу. И если возможность выбора привлекает многих и делает для них свободу желанной, то неизбежность ответственности сужает круг ее

ревнителей. Но об ответственности невозможно говорить, не обращаясь к разуму и рациональности. Основанный на свободе выбора поступок является рациональным именно в силу ответственности. Рациональность в данном случае означает оправданность поступка перед лицом ответственности» [5, с.327].

А.А. Новиков справедливо дает отрицательный ответ на вопрос о разумном и ответственном самоограничении в дискуссии по статье А.Л. Никифорова, синонимизируя, правда, такое самоограничение и «относительную несвободу», да еще к тому же объявляя свободу «тяжким крестом, который несет на себе человечество» [4, с.340]. Действительно, за постперестроечные годы в условиях царящей вседозволенности могла возникнуть подобная идиосинкразия к свободе, воспринимаемой как произвол, и тяга к ограничениям. Но самоограничение никоим образом не может трактоваться как несвобода или как относительная несвобода, поскольку это ограничение исходит от самого индивида. Сама же свобода как мера возможностей не может нести в себе для человека негативного оттенка. На то человеку и разум, чтобы делать разумный выбор в условиях достаточной информационной свободы и свободы действий. И совершенно очевидно, что именно отрицательный ответ на этот вопрос предполагается в классическом определении свободы как познанной необходимости, в последнее время подвергающемся критике. Это определение, конечно, несколько парадоксально, но по существу оно верно и диалектично. Мы познаем необходимость сознательного, разумного выбора в процессе реализации свободы выбора; свободы отрицательной как ухода от падения в пропасть; и свободы положительной как необходимости искать способы улучшения своей жизни, реализации и развития своих способностей, интенций. Можно отказаться от этих необходимостей, от всяких необходимостей как исчадия несвободы, но опять-таки это будет свободный выбор новой необходимости – покончить со своим разумом, сойти с ума. Здесь уместно привести фразу Г. Лейбница: «Если свобода заключается в том, чтобы сбросить с себя ярмо разума, то свободны одни только сумасшедшие и идиоты, но я не думаю, чтобы ради такой свободы кто-нибудь захотел быть сумасшедшим, за исключением того, кто уже сошел с ума» [6, с.299].

Что же касается необходимости, царящей в природе, объективном мире – эти закономерности мироздания, разумеется, всегда довлеют над человеком и заставляют его ограничивать свою деятельность, участвуют в человеческом выборе целей и методов. Но ведь если признать наличие у человека свободы воли, то это влияние объективных законов природы на реализацию человеческой свободы не является абсолютным императивом, жесткой

детерминантой. Природа учит человека разумной деятельности, нисколько не посягая на ее свободу.

Появляются иногда высказывания о рациональности самой природы (например, у Г.Д. Левина [3, с.1091]), с попытками коррегировать так называемую «онтологическую рациональность» и рациональность деятельности. Дескать, человеческие мысли, поступки и их результаты рациональны, если они соответствуют рациональности объективно сущего. Разумеется, заигрывая с природой, можно сказать, что она хорошо устроена, прекрасно выглядит, что у нее гармоничное законодательство, и она законопослушна, но называть это рациональностью стоит лишь в том случае, если эту гармоничность дал природе Бог. Однако тогда рациональность деятельности тождественна богоугодности, а онтологический подход превращается в теологический.

Впрочем, исследователи рациональности и свободы не останавливаются на этом моменте и рассуждают прежде всего о действительности социальной, ноодействительности как прямом продукте рациональной деятельности. Содержание этого последнего можно оценивать как рациональное и нерациональное, и оценка эта, как и оценка социальной деятельности в частности, «не может быть единой у всего общества, представляющего конгломерат социальных групп», – справедливо отмечает В.К. Иошкин в своей статье «Несвобода и свобода в рациональном осмыслении мира». И далее: «Рациональные реформаторские, революционные изменения не сразу всеми признаются в качестве рациональных, поскольку вначале попадают в разряд нерациональных. Критерием рациональности или нерациональности тех или иных изменений, привнесенных на крыльях рациональной свободной деятельности, выступает практика» [1, с.18]. Он со своей стороны обращает внимание на затронутый нами выше момент элиминации субъекта рациональной деятельности, адресуясь ко второй части главного тезиса А.Л. Никифорова о том, что «рациональная деятельность несвободна, свободная деятельность нерациональна» [4, с.291]. Иошкин пишет: «Никифоров, опираясь в своих рассуждениях на общепринятое определение свободы, смотрел на проблему свободной деятельности с позиции стороннего наблюдателя. Извне все видится именно так, как ставит эту проблему А.Л. Никифоров. Изнутри, с позиции субъекта деятельности свободная деятельность всегда рациональна, осмыслена» [1, с.16]. Тут приходится, надо заметить, еще один нечаянный алогический момент: понятие рациональности как следования разуму подменяется Никифоровым (скорей всего несознательно) понятием «стандарт рациональности» (читай – «стереотип»), то есть тем косным, что свободный творческий человек должен ломать. Отсюда делается некий реверенс в сторону иррационализма: свободная

деятельность человека должна быть нерациональной, ломающей стереотипы рациональности. Рациональность выходит неким антиподом прогресса.

Действительно, начиная с эпохи поляризации рационализма и иррационализма в философии, наблюдается негативизация рационализма как упования на человеческий интеллект, на разум, на науку. Рациональность (рациональное), изначально определяемое как то, что относится к разуму, устанавливается и обосновывается им, простирается из него, с развитием НТП все чаще понимается как то, что Ч. Миллс назвал «рациональностью без разума», а С.А.Левицкий – «безумной рациональностью» [5, с.322]. А сегодня уже, на рубеже тысячелетий, В. Лекторский вынужден констатировать, что в современном обществе «нарастает волна антинаучности и антирационализма, которая грозит затопить остатки здравого смысла. Влияние этой обскурантистской реакции усиливается той бедственной ситуацией, в которой в силу разных причин оказалась наука в нашем обществе и которая привела к резкому падению престижа научного знания и образования. Между тем без развитой науки, без культивирования рационального знания и рациональности в новых ее формах не существует перехода в цивилизацию XXI в» [5, с.5]. Действительно, в философском, да и в научном обиходе продолжает доминировать миллсовское переопределение рациональности как отлученной от разума, как свойства рассудка чисто инструментального. Это удобный для иррационалистов и мистиков всех мастей стереотип. А нам бы следовало не искать какие-то новые формы рациональности и их соединения со свободой, а обратить взоры на их изначальное понимание.

В.К. Иошкин, отказываясь от предлагаемого Никифоровым разведения рациональности и свободы деятельности, отождествления свободы и нерациональности деятельности, предлагает собственную трактовку свободы и несвободы деятельности. По его мнению, для оценки свободы деятельности, «свободы как деятельности» существует объективный критерий. Это – несогласие с действительностью. Деятельность на основе этого несогласия и есть свобода. Несвобода, напротив, есть «согласие с существующим порядком вещей и деятельность на основе согласия». Исходя из этого и разрабатывая пару категорий «свобода – несвобода», В.К. Иошкин в своей статье и затем в монографии «Свобода и несвобода бытия» почему-то связывает свободу с изменчивостью, с изменением бытия субъектом, несогласным с наличной действительностью, а несвободу – с устойчивостью, стабильностью, способствованием неизменности бытия. Автор извлекает столь оригинальный подход к определениям свободы и несвободы из учения о неравновесных системах – синергетики. В одной из статей Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов оговорились: «Устойчивость и равновесность – это, так

сказать, тупики эволюции» [1, с.20]. А поскольку виновником такой устойчивости и равновесности являются определенные связи, существующие в мире, эти связи В.К. Иошкин и предложил «обозначить понятием несвободы». «Несвобода – хранитель стабильности, - продолжает он. – Несвобода – это противостоящий свободе комплекс факторов, способствующих неизменности законов и условий бытия...» [там же].

Таким образом, получается довольно сомнительная риторика, согласно которой субъект, работающий на устойчивость, стабильность бытия, способствующий его неизменности, согласный с существующим порядком вещей, – является субъектом несвободным, а его деятельность в этом направлении есть сама несвобода. И соответственно формулируется обратная теорема для свободы и свободной деятельности.

Детальный анализ самой разработки пары понятий «свобода-несвобода» как универсальных категорий, проделанной В.К. Иошкиным в монографии «Свобода и несвобода бытия», выходит за ограниченные рамки статьи, но о самом подходе к определениям свободы и несвободы как свободной и несвободной деятельности стоит сказать несколько слов, поскольку если А.Л. Никифоров ассоциирует несвободу деятельности с рациональностью деятельности, то В.К. Иошкин определяет несвободу как всякое поддержание стабильности, устойчивости бытия: «Согласие с существующим порядком вещей и деятельность на основе этого несогласия есть несвобода. Несвободе как согласию противостоит свобода, опирающаяся на несогласие, несогласованность. *Свобода как деятельность есть несогласие (несогласованность) с действительностью, с различными аспектами объективной и субъективной реальности, и деятельность на основе этого несогласия по изменению и совершенствованию природы, общества и мышления*» [1, с.18]. Нет, он не дает негативной оценки деятельности по сохранению стабильности, называя ее несвободой, он даже ставит несвободу как деятельность и как устойчивое состояние выше свободы – приоритет, к которому мы как-то не привыкли, - и тем не менее дело тут не в оценках и приоритетах. Такой подход к пониманию свободной и несвободной деятельности, на наш взгляд, сомнителен по существу. Во-первых, трудно безоговорочно принять понятие «свобода как деятельность». Свобода человека как мера его возможностей проявить свои свойства и реализовать свои потенции и интенции может быть связана с определенной деятельностью, но может быть связана и с абсолютной бездеятельностью (так реализуется тривиальная человеческая лень), может быть связана с деятельностью по изменению бытия, а может быть связана и с деятельностью по сохранению этого бытия неизменным. Это зависит прежде всего от свойств субъекта, от его потенций и интенций как стремлений. И свобода

человека в этом контексте определяется тем, насколько ему удастся поведение или деятельность, отвечающие, попросту говоря, его характеру и склонностям.

Во-вторых, вызывает сомнения и введенная В.К. Иошкиным пара понятий «свобода как деятельность» и «свобода как состояние». Последнее он определяет следующим образом: *«Свобода как состояние есть автономное бытие субъекта свободы, устойчивость к внешнему воздействию, сохранение себя как целостности, в соответствии с законами своего внутреннего существования и развития. Свобода как состояние есть несогласие с навязываемыми извне изменениями»* [1, с.19].

Понятия «свобода» и «деятельность», если придраться формально-логически, не находятся в одной родовой плоскости и не могут адекватно представлять друг друга. Выше уже было сказано, что деятельность, по нашему определению, всегда свободна, если не вырождается в «делание по принуждению», но тогда это не деятельность. Понятия «свобода» и «состояние» могут быть названы компланарными в том смысле, что свобода субъекта есть его определенное состояние или ситуация с определенной мерой возможностей. Но названный автор игнорирует семантику этого второго термина, вкладывая в понятие «свобода как состояние» смысл: сохранение самого существования субъекта, то есть свободу самого существования субъекта, или в дальнейшем, свободу существования субъекта неизменным, сужая еще более и без того узкий аспект понятия свободы. В последующем, уже в монографии, В.К. Иошкин фактически нивелирует эту пару «свобод», определяя «свободу состояния» тоже как деятельность, направленную против (на основе, естественно, несогласия) «внешнего для субъекта свободы воздействия... с попытками изменения, порабощения, трансформации и т.д.» [2, с.54]. То есть, то, что было фактически несвободой как стремлением сохранить неизменность бытия, чудесным образом с добавлением словечка «несогласие» превратилось в свободу состояния. Если я согласен с неизменностью моего положения и действую «за» эту неизменность – это несвобода. Если же я не согласен с изменением моего бытия и борюсь «против» этого изменения - это свобода. Только в первом случае это несвобода деятельности, а во втором – свобода состояния. А есть ли здесь содержательная разница?

Подытоживая этот несколько критический разбор соотношения понятий или феноменов деятельности, рациональности и свободы, следует отметить:

1. Деятельность человека всегда свободна, хотя в своей реализации ограничена внешним образом.

2. Деятельность человека может быть рациональной или нерациональной, в зависимости от ее соответствия определенным критериям

рациональности, а также в зависимости от информационной свободы субъекта, то есть от «знания дела».

3. Свобода субъекта в сильной степени зависит от его деятельности или бездеятельности. Рациональность деятельности, при прочих равных условиях, увеличивает, а не сводит на нет свободу субъекта. Рациональность уменьшает количество «тупиковых», неразумных вариантов поведения субъекта, что может восприниматься как ограничение свободы. И попытки критиковать классиков мировой философии за их определение свободы как познанной необходимости всегда будут обречены на провал.

4. В результате своей деятельности или бездеятельности субъект может оказаться либо в ситуации с той же мерой свободы, или в ситуации с иной мерой свободы как качественно-количественной определенности.

Список литературы: 1. *Иошкин, В.К.* Несвобода и свобода в рациональном осмыслении мира [Текст] / *В.К. Иошкин* // Вопросы философии, 2006. - № 8. - С.15 – 28. 2. *Иошкин, В.К.* Свобода и несвобода бытия [Текст] / *В.К. Иошкин*. – Санкт-Петербург: «Питер-Принт», 2007. – 271 с.; 3. *Левин, Г.Д.* Истинность, рациональность, свобода [Текст] / *Г.Д. Левин* // Вестник РАН, 2004, № 12. - С.1090 – 1096; 4. *Никифоров, А.Л.* Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности [Текст] / *А.Л. Никифоров* // Исторические типы рациональности. Т.1. – М.: Институт философии РАН, 1995. - С.282 – 298. 5. Рациональность на перепутье. – М.: РОССПЭН, 1999. – 368 с.; 6. *Черткова, Е.Л.* Рациональность – критика – свобода [Текст] / *Е.Л. Черткова* // Исторические типы рациональности. Т.1. – М.: Институт философии РАН, 1995. - С. 299 – 316.

Поступила в редколлегию 09.09.09
Рецензент: докт. филос. наук, проф. В.В. Будко

УДК 162

М.В. СМОЛЯГА, канд. филос. наук, НТУ «ХПИ»
Г.Г. СТАРИКОВА, канд. филос. наук, ХНУРЭ

ПРОБЛЕМА РЕФЕРЕНЦИИ ПОЗНАВАЕМЫХ ОБЪЕКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье анализируется проблема референтности виртуальных миров, создаваемых современной культурой, наукой, искусством. Особое внимание уделяется постнеклассической науке, в которой соотношение между научной концепцией (виртуальной моделью мира) и реальной действительностью не всегда является очевидным.

Ключевые слова: виртуальный мир, постнеклассическая наука, референтность, симулякр, эпистемология.

В статті аналізується проблема референтності віртуальних світів, що створюються сучасною культурою, наукою, мистецтвом. Особливу увагу приділено постнекласичній науці, у якій